

Глава 9

Чжу Цинчэнь, закутавшись в одеяло по самые уши, замер на ложе, боясь лишний раз шелохнуться. Он старательно делал вид, будто его разбил паралич, а всё произошедшее мгновением ранее — не более чем чья-то нелепая выдумка.

Лю Ань первым пришел в себя.

— Учитель, ежели у вас нет сил принимать гостей, позвольте мне выйти к Его Высочеству и уладить дело?

— Э-э... — Чжу Цинчэнь вдруг кое-что вспомнил и поспешно схватил ученика за рукав. — Нет, тебе нельзя. Только не тебе!

«Тебя же там первой же стрелой прикончат!»

В разговор вмешался Пэй Сюань:

— Тогда пойду я.

Чжу Цинчэнь едва не подпрыгнул:

— И тебе нельзя! Ни в коем случае!

«Ты же там изведешься весь от тоски, а потом с городской башни сиганешь!»

Наставник поднял голову, поочередно обводя подопечных пристальным взглядом. Этот — слишком простодушен, тот — чересчур медлителен, а этот...

«Эх, была не была».

Он со смиренным вздохом откинул одеяло и спустился с постели. Придется идти самому — в конце концов, кто здесь наставник?

Наскоро приведя себя в порядок, Чжу Цинчэнь натянул три слоя теплой одежды, сверху набросил плотный плащ и только тогда в сопровождении свиты из учеников направился в теплую комнату.

Там, чинно восседая на почетном месте, князь Цзин неспешно прихлебывал чай. После того как Чжу Цинчэнь так бесцеремонно выставил его в прошлый раз у дворца, князь пребывал в дурном расположении духа. Император и так был подозрителен и не баловал его милостями,

заставляя прозябать в столице в роли праздного родственника. Но все остальные выказывали ему глубочайшее почтение! Все, кроме этого Чжу Цинчэня, который, прикрываясь званием наставника, и в грош не ставил принца крови.

Впрочем, отказываться от него и его талантливых подопечных князь не собирался. В распоряжении Его Высочества пока не было толковых литераторов: придворные книжники корчили из себя святош и держались столь сплоченно, что, как бы он ни старался, пробиться в их круг не удавалось. Оставалось только вербовать сторонников среди тех, кому лишь предстояли весенние экзамены.

Едва соглядатаи донесли, что ученики гурьбой явились навестить больного учителя, князь поспешил следом. Дворцовые экзамены проводятся раз в три года, и он обязан был ухватиться за этот шанс, иначе следующего пришлось бы ждать целую вечность.

Услышав за дверью шаги, князь Цзин усмирил гнев и нацепил на лицо маску благожелательности. Двери распахнулись, и в комнату, опираясь на руки учеников, вошел бледный как полотно Чжу Цинчэнь. Он кашлял так натужно, что казалось, будто с каждым выдохом из него уходит жизнь.

Князь даже вздрогнул от неожиданности. Поспешно поставив чашу, он поднялся навстречу:

— Наставник Чжу... Как же вас так угораздило? Неужто недуг столь силен?

Чжу Цинчэнь лишь кивнул, заходясь в очередном приступе кашля, от которого его лицо пошло пунцовыми пятнами.

— Кхе-кхе... Приветствую Ваше Высочество... Прошу, присаживайтесь.

Князь Цзин замялся, но всё же выложил заранее заготовленную речь:

— Услышав о вашей хвори, я не на шутку встревожился. Видно, наша беседа на сквозняке после пира и впрямь довела вас до лихорадки. Вина за это лежит на мне, а потому я принес редких лекарств — взгляните, быть может, они сослужат вам службу. Вот, к примеру, корень горного женьшеня из старых запасов...

Чжу Цинчэнь, едва переводя дыхание, перебил его:

— Кхе... Благодарю... Но Его Величество на днях уже прислал десять таких корней. Лекарь же сказал, что простуда моя пустяковая, и если принимать столь сильные снадобья, то избыточный жар в теле лишь навредит...

Князь застыл в изумлении:

— Де... десять?

Император, не глядя, отвалил ему сразу десяток бесценных корней? Неужто государь тоже решил переманить наставника на свою сторону?

Князь невольно ссутулился, стараясь незаметно спрятать за спину своё подношение, которое на фоне императорских даров теперь больше походило на хвостик жалкой белой редьки. Он полагал, что ученые люди бедны и любой подарок заставит их проливать слезы благодарности, но теперь... Как можно было выставлять это напоказ после щедрот государя?

Придя в себя, князь Цзин сухо кашлянул:

— Что ж, щедрость Его Величества велика. Мои подношения на этом фоне выглядят более чем скромно.

Он поднял глаза, и его взгляд скользнул по лицам учеников, стоявших за спиной наставника. Чжу Цинчэнь вздрогнул и, продолжая кашлять, боком прикрыл их собой.

Князь натянуто улыбнулся:

— У вас здесь собрались истинные таланты, наставник. Моя душа так и стремится к подобному обществу...

Договорить ему не дали — Чжу Цинчэнь разразился кашлем такой невероятной силы, что он заглушил все слова.

— Это всё... кхе-кхе... бездельники и неучи. Зачем Вашему Высочеству такие никчемные люди?

Ученики лишь переглянулись: «Ну вот, опять стоим и обтекаем».

Князь Цзин, сделав вид, что только сейчас заметил Пэй Сюаня, изобразил на лице радостное удивление:

— Пэй Сюань! И ты здесь?

Юноша вежливо поклонился:

— Ваше Высочество.

Князь хотел было продолжить беседу, но Чжу Цинчэнь кашлял так, словно вот-вот выплюнет легкие. Лю Ань, заслонив собой Пэй Сюаня, подхватил учителя под руку и принялся заботливо

похлопывать его по спине.

— Ваше Высочество, — обратился он к принцу, — наставник еще не оправился от недуга, и принимать гостей ему не под силу. Благодарим за вашу доброту, но нам пора проводить учителя в опочивальню.

— Что ж, тогда вы...

Князь надеялся, что кто-нибудь из юношей останется, и он сможет прощупать почву. Но едва Чжу Цинчэнь развернулся, вся ватага учеников, точно выводок утят за матерью, устремилась следом за ним. Его Высочество остался в теплой комнате в полном одиночестве.

Впрочем, нет — один задержался! С надеждой в голосе князь окликнул его:

— Ты...

Сун Фэн обернулся и ослепительно улыбнулся:

— Ваше Высочество, я всего лишь слуга. Позвольте мне проводить вас к выходу. Прошу сюда.

Лицо князя Цзина позеленело. Не удостоив юношу ответом, он резко развернулся и, гневно взмахнув рукавами, покинул дом.

Тем временем в другой части дома ученики бережно вели Чжу Цинчэня к его покоям. Глядя на его мучения, они не на шутку встревожились.

— Учитель, как вы? Может, снова послать за лекарем?

— Только что ведь всё было хорошо, откуда такая хрипота?

— Всё этот князь Цзин! Ему же ясно дали понять, что наставнику нездоровится, а он уперся — «желаю видеть» и всё тут. Пока учитель шел сюда, его наверняка снова продуло на сквозняке.

Юноша, продолжая кашлять, опасливо оглянулся назад. Лю Ань понимающе кивнул:

— Учитель, он ушел.

Чжу Цинчэнь мгновенно выпрямился, прочистил горло и бодрым шагом направился в комнату.

Ученики замерли с открытыми ртами: «Наставник... исцелился?»

Оказавшись в своих покоях, он снова нырнул под одеяло и потянулся к сушеным фруктам. Отправив в рот засахаренную вишню, Чжу Цинчэнь блаженно зажмурился:

— Истинное чудодейственное снадобье. Съем одну — и кашель как рукой снимает.

Лю Ань со вздохом отобрал у него сверток.

— Ань-эр, ты забираешь лекарство, спасающее жизнь твоему наставнику! — воскликнул Чжу Цинчэнь.

Юноша поколебался, но, не желая брать на душу грех «учителеубийства», вернул сладости.

— Ешьте, всё равно там почти ничего не осталось. — Он понизил голос. — Учитель, почему вы так не желаете видеть князя Цзина?

Остальные ученики тоже придвинулись ближе, ловя каждое слово. Наставник прочистил горло и задал им встречный вопрос:

— Скажите мне: ежели придет день, и вы, обретя славу и почет, вступите на путь государственной службы — какими чиновниками вы станете? Верными подданными или коварными временщиками?

Юноши ответили без тени сомнения:

— Разумеется, верными подданными!

Чжу Цинчэнь усмехнулся и ласково потрепал их по «чистым и глуповатым» щекам.

— Вы должны стремиться стать «чистыми чиновниками», истинными мужами престола.

— Учитель, в чем же разница между верным подданным и чистым чиновником?

Ученики не до конца поняли смысл, но Чжу Цинчэнь больше не проронил ни слова, лишь украдкой стащил еще одну ягоду. Из-за его спины вылетела Система.

[В прошлый раз ты говорил другое. Ты сказал, что хочешь быть „всесильным временщиком“]

«Я — наставник! — ответил Чжу Цинчэнь с непоколебимой уверенностью. — Разве можно

равнять учителя и учеников? Великий временщик может быть только один, и эта роль, несомненно, принадлежит мне!»

Он махнул рукой, отсылая подопечных:

— Ступайте, повторяйте пройденное, нечего вокруг меня толкаться. Лю Ань, пригляди за ними, чтобы не вздумали безобразничать на заднем дворе.

— Слушаюсь.

Наставник задержал взгляд на Пэй Сюане:

— А Сюань, побудь еще немного.

Когда остальные ушли, юноша присел на мягкий коврик у ложа.

— Учитель.

Чжу Цинчэнь, полулежа на подушках, смотрел на него сложным, нечитаемым взглядом, отчего ученик невольно напрягся. Наставник прочистил горло:

— А Сюань, скажи, как давно мы с тобой знакомы?

Пэй Сюань ответил незамедлительно:

— Ровно месяц, учитель.

— Считаешь ли ты меня своим самым любимым наставником?

— Безусловно.

— Тогда я спрошу тебя кое о чем, а ты отвечай мне по всей правде.

— Да, — юноша решительно кивнул. — Я буду предельно честен.

— Хорошо. — Чжу Цинчэнь помедлил и заговорил тише: — Что ты думаешь о князе Цзине? Не бойся, говори как есть, я никому не выдам.

Пэй Сюань на мгновение задумался.

— Его Высочество часто выезжает на охоту и заглядывает в нашу лавку передохнуть. Он наш старый и верный гость, и мы с матушкой очень ему признательны.

— А если... — продолжал наставник, — если князь предложит тебе бросить учебу и стать его советником, ты согласишься?

Юноша был потрясен:

— Учитель, что за речи? Как же я могу отказаться от экзаменов? Неужели князь этого желает?

— Нет-нет, я просто спросил. Слушай дальше: если в будущем, когда ты станешь чиновником, ваши интересы с князем разойдутся, и он потребует у тебя уступки в знак благодарности за прошлые милости — как ты поступишь?

Пэй Сюань выпрямился, и лицо его стало серьезным.

— Я не стану кривить душой ради личной выгоды! Хоть князь и почетный гость в нашей лавке, и мы благодарны ему, но мы ведем торговлю честно. Мы не милостыню у него просим. Он платит деньги, а мы с мамой разделяем дичь, готовим еду и варим вино. Мы никогда не брали у него ни единого лишнего гроша. Торговля заканчивается в дверях лавки, ей не место в палатах правосудия. Я всего лишь торговал с ним, а не продавал ему свою душу!

Чжу Цинчэнь удовлетворенно кивнул. Этот ответ его более чем устраивал.

— Хорошо. Теперь мне спокойно на сердце. — Он добавил со всей важностью: — Никогда не забывай, ради чего ты встал на этот путь.

Пэй Сюань опустил глаза, а когда снова поднял взгляд, в нем сквозила обида.

— Учитель, неужто князь хочет забрать меня к себе на побегушки? Или вы... вы больше не желаете меня учить?

Чжу Цинчэнь всполошился:

— Нет-нет... Я и не думал...

Юноша понурил голову, готовый расплакаться от собственных мрачных догадок. Наставник поспешно сел и похлопал его по плечу:

— Ну что ты... Чего глаза на мокром месте?

Больше всего на свете Чжу Цинчэнь боялся чужих слез. Он принялся объяснять:

— Я лишь опасаюсь, что ты, не зная всех козней придворной жизни, попадешь в ловушку. Обычное знакомство — дело пустяковое, но я боюсь, как бы он не задурил тебе голову своими речами и не сбил с истинного пути.

Пэй Сюань вскинул голову:

— Не извольте беспокоиться, наставник. Я знаю меру. В моем сердце сейчас лишь одна забота.

«Учеба!»

В оригинальной истории юноша не имел ни наставников, ни друзей, а потому князю Цзину хватило пары слов, чтобы заманить его в свои сети. Князь сам толкнул его в бездну, чтобы потом собственноручно «спасти» — как тут не полюбить своего избавителя? Но теперь Чжу Цинчэнь не собирался давать Его Высочеству такого шанса. У нынешнего Пэй Сюаня есть учитель и верные товарищи, и он не поведется на мелкие подачки.

— Раз так, — успокоился наставник, — ступай к остальным.

Пэй Сюань уже собрался уходить, когда Чжу Цинчэнь окликнул его:

— И еще: если устанешь от книг — выйди во двор, разомнись, помаша кулаками. Экзамены длятся три дня кряду, там нужна не только голова, но и крепкое тело.

— Я помню, учитель. Я упражняюсь каждый день.

— Вот и славно. Ступай.

Чжу Цинчэнь с нескрываемой гордостью смотрел ему вслед. Чтобы юноша благополучно прошел Дворцовые экзамены, он подготовил почву со всех сторон: следил за учебой, заставлял дружить с однокашниками, учил быть смелее и решительнее. И самое главное — он обучал его боевым искусствам. Ежели князь Цзин с перепугу решит повторить книжный сюжет и бросится на него с объятиями, Пэй Сюань теперь точно сумеет вырваться. А если будет тренироваться усерднее, то, глядишь, и сам угостит Его Высочество парой крепких тумачков.

Хе-хе!

Чжу Цинчэнь откинулся на подушки с торжествующей улыбкой. Система покосилась на него.

[Носитель, перестань так скалиться, мне страшно]

— Хочу и смеюсь! — хмыкнул он.

Поскольку Чжу Цинчэнь всё еще чувствовал слабость и боялся заразить учеников, обедать их он не оставил. К вечеру Пэй Сюань покинул резиденцию и направился домой. Но едва он переступил порог своей лавки, как увидел князя Цзина, который в одиночестве сидел у окна.

Заметив юношу, князь улыбнулся:

— Вернулся? — голос его звучал тепло и доверительно, точно у старого друга.

Пэй Сюань, чувствуя себя не в своей тарелке, поклонился:

— Ваше Высочество.

Князь поманил его рукой:

— Присядь со мной.

Отказываться было неблагородно, и юноша опустился на стул напротив. Князь днем был у наставника, а теперь явился сюда — его вопросы казались более чем странными. Ученик внутренне насторожился.

Сперва князь Цзин спросил, почему они так долго задержались у учителя, если тот так сильно кашлял. Затем осведомился, не обижают ли Пэй Сюаня знатные однокашники в доме наставника. И под конец Его Высочество заметил, что Чжу Цинчэню, мол, приходится разрываться между всеми учениками, и он может чего-то не доглядеть. Поэтому, если юноша пожелает, князь может представить его другим маститым ученым.

Каким бы простодушным ни был Пэй Сюань, после сегодняшнего урока наставника он всё понял. Первый вопрос был жалобой на учителя. Второй — попыткой посеять вражду между учениками. А третий метил прямо в его отношения с Чжу Цинчэнем.

Юноша тщательно взвешивал каждое слово, отвечая уклончиво и не давая князю ни малейшей зацепки. Видя, что тот остается глух к намекам, князь едва сдерживал раздражение, а ненависть к Чжу Цинчэню в его сердце лишь крепла.

Когда стемнело и гость наконец ушел, Пэй Сюань сел за книги. Теперь он понимал, почему наставник не хотел их встречи и к чему были все эти предостережения. Князь Цзин на людях казался лишь праздным охотником и гулякой, но на деле всё было иначе. Учитель хотел оградить их от ненужной борьбы за власть. Быть «чистым мужем» — значит иметь ясные

помыслы и не отвлекаться на суету. Наставник просил его помнить, ради чего он взялся за кисть. Уяснив это, Пэй Сюань с новыми силами погрузился в чтение.

Следующее утро

Пэй Сюань снова пришел в резиденцию учёного-чиновника и во всех подробностях поведал о ночном визите князя.

— Не беспокойтесь, наставник, — закончил он. — Я не выдал Его Высочеству ни единой подробности о нашей жизни и занятиях. Я свято помню ваше наставление — быть «чистым чиновником».

Чжу Цинчэнь, довольный ответом, похлопал его по плечу в знак одобрения. Ученик, сидя на коврике у самого изголовья, с содроганием добавил:

— Ежели бы не ваше наставление, я, пожалуй, мог бы и согласиться на предложение князя найти мне другого учителя. Но за всякую милость Его Высочества потом пришлось бы платить. Прими я его помощь, и в будущем, став чиновником, я оказался бы у него в долгу и примкнул бы к его клике.

— Верно, — подтвердил Чжу Цинчэнь. — Впрочем, за милости своего нынешнего наставника тебе тоже придется платить.

Юноша вскинул голову:

— А?

Наставник заговорщицки понизил голос:

— Я дам тебе пять медных монет, а ты сходи в лавку на востоке города и купи соленой вишни. И смотри — ни слова Лю Аню!

— Слушаюсь!

Чжу Цинчэнь выудил из-под подушки кошелек и торжественно выложил пять монет в раскрытые ладони ученика.

— Ступай тихо. И возвращайся поскорее.

— Будет сделано!

Наставник с надеждой смотрел вслед уходящему Пэй Сюаню. Но не прошло и десяти минут, как в коридоре раздался тяжелый топот. Учитель приподнялся на ложе, готовый встречать своего «верного» гонца:

— Так быстро вернулся...

В следующую секунду дверь распахнулась, и в комнату вошел Лю Ань, крепко держа Пэй Сюаня за ухо.

— Наставник, этот сорванец утверждает, будто вы сами послали его за сладостями?

Пэй Сюань затараторил:

— Нет-нет, старший брат Лю, это я сам...

Но лгать он совершенно не умел, и по его виноватому лицу всё было ясно без слов. Чжу Цинчэнь мгновенно нырнул под одеяло и натянул его до макушки.

«Считайте меня покойником. Умер от глупости Пэй Сюаня и занудства Лю Аня».

Старший ученик произнес со всей строгостью:

— Учитель, ежели вы и впредь будете так пренебрегать своим здоровьем, когда же вы поправитесь? Когда вернетесь в Академию? Когда прочтете нам новые толкования к трактатам?!

Чжу Цинчэнь сел на постели, не веря своим ушам:

«Это он сейчас серьезно? Я для них что — просто ходячий сборник комментариев к классике?!»

Лю Ань отпустил Пэй Сюаня и присел рядом с наставником.

— Наставник, князь Цзин сегодня наведлся к остальным старым коллегам.

Чжу Цинчэнь тут же посерьезнел:

— Прямо сегодня утром?

— Да. Сказал, что на досуге желает заняться чтением, дабы постичь истину.

«Красиво поет», — подумал он. Видно, получив от него несколько чувствительных отказов, князь потерял терпение и решил попытать счастья у других.

— Нужно ли предупредить стариков? — спросил Лю Ань.

Чжу Цинчэнь покачал головой:

— Нет нужды. Они в делах науки куда строже меня.

Попытка Его Высочества подкупить этих пронизательных старцев была... по-своему забавной. Чжу Цинчэнь в силу возраста старался быть мягче, даже пытался наставить князя на путь истинный. Неужто тот думает, что седовласые наставники окажутся добрее? Или он полагает, что они позволят ему мутить воду среди своих учеников? У каждого из них — лучшие таланты, отобранные с великим трудом. Старики могут сами бранить их или стегать линейкой, но это лишь от избытка чувств. Стоит же кому-то чужому покушаться на их подопечных, и почтенные наставники превращаются в свирепых наседок, защищающих своих цыплят.

Юноша никак не мог взять в толк: как такой недалекий человек в книге ухитрился стать императором? Его взгляд упал на Пэй Сюаня, который стоял рядом и глуповато улыбался. Видно, автор оригинала был слишком добр к князю Цзину, подсунув ему в соперники никчемного правителя, а в помощники — гения. Этот ученик — человек редкого дара: он и в залах дворца, и на крестьянском поле чувствует себя как дома; он мастер изящной словесности и знаток земледелия. С таким советником на трон можно было бы посадить даже поросенка из ближайшего хлева.

Сейчас Пэй Сюань послушно сидел на коврике, внимая нотациям Лю Аня:

— Больше не смей покупать наставнику вишню. Если сам не хочешь учиться, не мешай другим!

Тот смиренно внимал:

— Да, старший брат, ты совершенно прав.

Конечно... сейчас он еще казался сущим ребенком. «Великое предназначение требует великих испытаний» — он должен был закалиться в горниле бедствий, чтобы стать тем мужем из книги. Но Чжу Цинчэнь всем сердцем желал ему легкого пути. Пусть лучше он станет обычным чиновником в глухой провинции, чем пройдет через всю ту грязь, что уготовил ему князь Цзин.

Наставник скрестил руки на груди, предвкушая, как князь будет пытаться поднять мятеж без помощи Пэй Сюаня. И тут голос Лю Аня зазвучал громче:

— Неужто учитель сам не хочет поскорее поправиться? Разве может наставник быть столь невоздержан в еде? Ежели учитель ведет себя как дитя малое, то ты-то должен иметь голову на плечах!

Чжу Цинчэнь замер, и улыбка сползла с его лица. Он лишь растерянно моргнул.

«Погодите-ка... Что-то в этих словах не так. Кажется, мой старший ученик сейчас отчитывал вовсе не Пэй Сюаня...»

<http://bllate.org/book/15820/1423185>